

Текст · 28 февраля 2019, 07:16

Дмитрий Швец,

«Сделать все, чтобы он остался гнить в лагере». Суд в Ухте отказался освободить тяжелобольного офицера ФСБ, осужденного за госизмену

В Коми отбывает наказание бывший офицер ФСБ Дмитрий Иванов, который, по версии следствия, пытался продать финским дипломатам фотографии секретных документов, чтобы выплатить взятый на покупку машины кредит. После ареста врачи диагностировали у него ВИЧ, а в колонии состояние Иванова настолько ухудшилось, что представители ФСИН попросили освободить его от наказания — но суд отказался, возможно, под давлением ФСБ.

Мать и бывшая жена Дмитрия Иванова просят не упоминать их имена, не публиковать фотографии Дмитрия и не указывать его редкое отчество — «для семьи опасно». Они стараются лишний раз не распространяться о том, что 39-летний Дмитрий — получивший два высших образования примерный семьянин, который с детства интересовался спецслужбами — был осужден на 13 лет за покушение на государственную измену (часть 3 статьи 30, статья 275 УК) и лишен звания капитана ФСБ.

Дмитрий познакомился со своей женой в 2003 году в Чебоксарах, через два года они поженились, вскоре родилась дочь. Супруги жили в достатке, подчеркивает женщина, денег хватало. В 2009 году работавшего до того в МЧС Дмитрия приняли на

службу в ФСБ и направили в Петрозаводск. Семья осталась в Чебоксарах — ждали, пока дочь жены от первого брака закончит школу; все вместе встречалась на каникулах — в Карелии или Чувашии.

Случай в торгпредстве Финляндии

В январе 2013-го молодого оперативника УСБ ФСБ направили на курсы профессиональной подготовки в Петербург. Там, согласно приговору Ленинградского окружного военного суда, Дмитрий Иванов сфотографировал часть лекций по специальным дисциплинам — сам он в суде объяснял, что так было проще готовиться к экзамену.

Учебные пособия ФСБ имели гриф «секретно». Вернувшись в Петрозаводск, говорится в приговоре суда, оперативник решил, что с помощью продажи этих материалов иностранным дипломатам он сможет решить свои финансовые проблемы. Для этого он уже в Карелии сфотографировал еще три документа с грифами «секретно» и «совершенно секретно» — они, по его мнению, представляли «особый интерес для иностранных спецслужб».

28 марта 2018 года Дмитрий Иванов взял с собой флешку с частью секретных документов, зашел в торговое представительство Финляндии в Петербурге, представился Павлом и попросил о встрече с кем-нибудь, отвечающим за безопасность.

Сотрудница представительства, гражданка России, посоветовала Павлу обратиться в генконсульство. Мужчина оставил ей флешку и листок с номером телефона, оформленным на чужое имя, и

ушел. Женщина доложила о странном посетителе начальству, но руководство, не открывая флешки, попросило ее связаться с правоохранительными органами.

Флешку и бумажку с номером отдали охранникам, которые связались с ФСБ. В тот же день, сказано в приговоре, в представительство приехал сотрудник контрразведки, он изучил флешку и записи с камер наблюдения. Вечером Иванову позвонили на конспиративный номер — собеседник представился сотрудником службы охраны торгового представительства Финляндии и предложил встречу.

Дмитрий, впрочем, на назначенную встречу не явился, поскольку обнаружил за собой наблюдение. Телефон он выкинул в реку, а секретные документы удалил, утверждает в приговоре суда. 30 марта он уехал из Петербурга, а 2 апреля произошли два события: он подал руководству рапорт о попытке контакта с иностранными спецслужбами и был задержан. Неясно, что случилось раньше.

«Этот рапорт Ивановым был подан не по собственной инициативе и лишь тогда, когда в результате комплекса оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ФСБ уже были добыты достаточные сведения об обстоятельствах преступления и причастности к нему именно Иванова, — говорится в приговоре. — Причем задолго до подачи рапорта Иванов осознавал, что находится под подозрением, имел возможность добровольно сообщить о содеянном и способствовать предотвращению возможного ущерба интересам Российской Федерации, однако вместо этого

предпринял действия по устранению следов, уличающих его в преступлении». На обнаруженной во время обыска флеш-карте удалось восстановить 340 удаленных фотографий с приказами спецслужбы.

Ленинградский окружной военный суд пришел к выводу, что Иванова нельзя освободить от ответственности за госизмену, хотя в примечании к статье 275 УК и допускается такая возможность, если подозреваемый «добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовал предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

24 ноября 2014 года суд признал Дмитрия Иванова виновным, лишил его звания капитана ФСБ и приговорил к 13 годам в колонии строгого режима. Судя по [карточке](#) дела на сайте суда, рассмотрение дела заняло четыре заседания, а приговор был обжалован, но — безуспешно.

Суд решил, что оперативник представляет повышенную общественную опасность: работая в подразделении собственной безопасности ФСБ, он «инициативно подготовил к выдаче иностранным спецслужбам значительное количество информации, составляющей государственную тайную, <...> совершив те самые действия, которые в силу возложенных на него должностных полномочий обязан был активно и всеми способами предотвращать».

Дмитрий Иванов признал свою вину, однако его мать говорит, что это было сделано под давлением — и он, не уточняя подробностей, говорил ей, что на самом деле «выполнял задание». По словам уже бывшей жены уже бывшего оперативника, с потерей кормильца положение семьи сильно ухудшилось, а купленную на взятые кредиты машину пришлось продать.

Иллюстрация: Анна Морозова / Медиазона

Диагноз и колония в Коми

После ареста Дмитрия Иванова этапировали из Петербурга в московское СИЗО «Лефортово». Так в апреле 2013 года медики при обследовании обнаружили у него ВИЧ. Через два года, когда Верховный суд утвердил приговор, экс-офицера ФСБ направили в ИК-49 в поселке Миша-Яг республики Коми, где отбывают наказание бывшие сотрудники правоохранительных органов.

Первое время дела у Дмитрия шли относительно неплохо, на здоровье он не жаловался, хотя антиретровирусную терапию, которая способна подавить размножение ВИЧ в организме, ему не давали. Приезжавшая к нему на свидания мать вспоминает, что были трудности с передачами — их периодически возвращали — и с другими осужденными — они боялись общаться с Дмитрием из-за приговора за госизмену.

Однако состояние здоровья постепенно ухудшалось, за 2018 год Иванов похудел с 76 килограммов до 59, к концу сентября, рассказывал он адвокату Игорю

Мангилеву, температура поднялась до 40 градусов, а тело покрылось сыпью.

«Я не мог принимать пищу и воду, организм все отторгал. Присутствовал сухой грудной кашель, жидкий стул черного цвета, сильное головокружение», — вспоминал заключенный.

Иванова этапировали в [тюремную больницу](#) в Ухте. В октябре на свидание приехала мать: «У него температура была, его не могли привести. Он, конечно пришел, но не мог разговаривать или сидеть, просто был никакой. Он был в ужасном состоянии — даже не смогла с ним тогда поговорить, весь бледный, думала, сейчас скончается у меня».

Свидание пришлось прекратить. Тогда же, в октябре больница ФСИН собрала медкомиссию, которая обследовала заключенного и диагностировала у него СПИД, ВИЧ в стадии 4В в фазе прогрессирования и инфильтративный туберкулез.

Этот диагноз входит в утвержденный правительством России [перечень](#) заболеваний, препятствующих отбыванию наказания (там он указан под номером 7).

В [пояснениях](#) к классификации ВИЧ Минздравсоцразвития от 2006 года говорится, что стадия 4В проявляется преимущественно через 10-12 лет после заражения и характеризуется «развитием тяжелых, угрожающих жизни вторичных заболеваний, их генерализованным характером, поражением центральной нервной

системы». Отмечается, что переход инфекции в четвертую стадию все же может быть обратим. «Спонтанно или вследствие проводимой терапии клинические проявления вторичных заболеваний могут исчезать. Поэтому в этой стадии выделяют фазы прогрессирования (в отсутствие антиретровирусной терапии или на фоне антиретровирусной терапии) и ремиссии (спонтанной, после ранее проводимой антиретровирусной терапии или на фоне антиретровирусной терапии)», — подчеркивается в документе.

«Документы ушли в ФСБ»

Уже через неделю начальник тюремной больницы подал в Ухтинский городской суд представление об освобождении Дмитрия Иванова, бывшая жена и мать уведомили суд, что готовы предоставить тому жилье и уход. «В кругу осужденных уживчив», — сказано в справке из больницы ФСИН, там же отмечается, что на осужденного не накладывалось дисциплинарных взысканий.

Для вынесения решения судье Светлане Костич понадобились три заседания. Первое состоялось в декабре 2018 года. Защитник попросил у судьи время на ознакомление с материалами, однако судья отказала.

«Она сказала — так, позиции мне всех понятны, давайте послушаем врачей. Они подтвердили, что только сейчас начали лечить, то есть до этого он находился без лечения и

медикаментов. Они начали ему давать только сейчас медикаменты, и, соответственно, якобы после этого его тяжелые заболевания ушли в ремиссию», — вспоминает адвокат Дмитрий Динзе из международной правозащитной группы «Агора», который представляет интересы экс-оперативника ФСБ.

По его словам, после этого возражавший против освобождения прокурор «встал и попросил суд вынести представление в адрес колонии в связи с тем, что они Иванову не предоставляли лечение и медицинское обслуживание надлежащего, из-за чего преступник мог выйти на свободу».

Ко второму заседанию в январе 2019-го заместитель главного врача Ухтинской городской больницы Олеся Кузнецова по просьбе прокуратуры подготовила рецензию на историю болезни и амбулаторную карту Иванова, составленные в тюремной больнице. В рецензии сказано, что «наличие инфильтративного туберкулеза не подтверждено соответствующими обследованиями».

«Для подтверждения у осужденного болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека именно в стадии вторичных заболеваний 4В, а также в фазе прогрессирования и терминальной стадии на момент рецензирования представленной медицинской документации недостаточно, — решила врач. — Считаю необходимым дообследование осужденного согласно стандартам оказания медицинской помощи в условиях Ухтинской городской поликлиники».

После такой рецензии судья Костич попросила больницу ФСИН проверить «порядок и стандарты определения заболеваний» медкомиссией. «Право на освобождение по болезни поставлено под сомнение», — подчеркнула судья.

Третье заседание прошло 12 февраля, к нему было готово повторное заключение медкомиссии больницы ФСИН — врачи зафиксировали положительную динамику из-за высокоактивной антиретровирусной и химиотерапии. На этот раз специалисты решили, что у заключенного Иванова нет заболеваний, дающих ему право на освобождение.

«[В первый раз] его освидетельствовали и сказали, что надо активировать. Безднадежно болен, скоро умрет. Потом [решили] вдруг — не умрет быстро. Два противоречивых заключения. Человек не мог взять и выздороветь», — удивляется адвокат Динзе.

Иллюстрация: Анна Морозова / Медиазона

По словам Динзе, «вся катавасия началась с того, что колония подала документы [на освобождение Иванова из-за тяжелой болезни], а потом, по ходу, документы ушли в центральное управление ФСБ». «Это со слов местного адвоката, который у него там работал. И он сказал, что контора наезжала на прокуратуру, на каком основании они отпускают этого человека? Надо сделать все, чтобы он остался гнить в лагере», — рассказывает он.

Об этом свидетельствует и непривычно активная позиция прокуратуры, считает юрист: «Они же

обычно вообще ничего не делают, а здесь они заранее начали: обратились к специалистам, начали каких-то врачей искать, чтобы его оставили в лагере».

В итоге Ухтинский городской суд отказался освободить больного заключенного. «Из пояснений врача следует, что заболевания, имеющиеся у Иванова на момент проведения освидетельствования 23 октября 2018 года, находились в фазе прогрессирования и терминальной стадии, в настоящий момент в связи с проводимым лечением заболевания находятся в стадии ремиссии, состояние здоровья значительно улучшилось», — говорится в решении судьи Костич.

Защита планирует обжаловать это решение и подготовить собственное медицинское заключение.

Изучивший представленные в суд документы специалист в области судебной медицины Леонид Петров отмечает, что при подтвержденной ранее стадии 4В только переход ВИЧ-инфекции в стадию ремиссии позволил бы говорить о том, что у больного нет заболеваний из перечня правительства — но никаких подтверждений этому в заключении медкомиссии приведено не было.

Впрочем, даже подтвержденный диагноз из перечня не гарантирует выхода из колонии: [часть 2 статьи 81 УК](#) дает тяжело больному заключенному право на освобождение, однако окончательное решение остается за судом. К примеру, в январе 2017 года Медвежьегорский районный суд Карелии только с третьего раза [согласился](#) освободить из колонии

заключенного с ВИЧ в стадии 4В с туберкулезным менингоэнцефалитом и гепатитом С.

«Выпускают, если осталось два месяца жить»

Мать Дмитрия была у него на свидании 25 февраля: «Держится. Его состояние все время меняется, он сам говорил: «Состояние было хорошее, потом — еле-еле ноги волочил». Все время за голову держался».

Заместитель главврача ухтинской больницы Олеся Кузнецова, готовившая рецензию на медицинские документы Иванова, так прокомментировала «Медиазоне» резкое изменение мнения тюремных врачей и решение суда:

«Обычно зеков выпускают только в том случае, если там, ну, осталось им два месяца жить — да пусть умрет на свободе. Да слава тебе господи, грубо сказано, но оно вот так вот. Постановление [правительства], оно именно об этом гласит, что умирающего человека выпускают. Здесь человек не умирающий».

Редактор: Егор Сковорода